

Андрей ПЕТРОВ:

Я всегда знал, чего хочу

После окончания Московского хореографического училища он попал не куда-нибудь — в Большой театр. Благополучно проработал в нем сначала ведущим характерным солистом, потом действующим балетмейстером. Вовремя покинул его державную сень, не запятнав себя участием в шумных конфликтах. В 1990 году Андрей Петров возглавил новый балетный театр, а через три года к творческой «должности» добавил административную — директора Государственного Кремлевского дворца. Иными словами, состоявшийся танцовщик, состоявшийся балетмейстер и состоявшийся руководитель. Не так мало для одной жизни. Таково то, что снаружи. А что же внутри?

Елена ЛИТОВЧЕНКО

— Детство было самой трагической составляющей моей судьбы. В самом нежном возрасте, имея живых родителей, я вынужден был с ними расстаться. Воспитывали меня тети. Я очень благодарен Вере Сергеевне Поповой и особенно Серафиме Сергеевне Холфиной, балерине, которая танцевала на сцене Большого театра всего три года, а известность обрела как замечательный педагог, сорок лет преподававший в Московском хореографическом училище. Конечно, тетям было трудно. В какой-то момент пришлось меня даже отдать в интернат. А поскольку интернат был при хореографическом училище, через четыре года я покинул его стены, обладая уникальной профессией.

— Стало быть, все получилось не благодаря артистической семье (мама и папа — известные актеры), а как бы вопреки?

— Просто с самого начала я знал, что в жизни нужно рассчитывать только на себя. Мне повезло в том смысле, что я сумел угадать свою профессию. Если уж быть совсем точным, я мечтал о драматической режиссуре, но решил заниматься ею в балете. В театре все тоже начиналось не столь радужно. В Большой меня принимали трудно, поскольку артисты моего амплуа — характерного танцовщика — на тот момент не требовались. Только-только театр покинул Сергей Корень, танцевали Левашов и Сех, входили в силу Симачев и Попко. Моя персона на этом фоне казалась лишней. И я не представляю, как бы сложилась моя артистическая судьба, если бы не Уланова, Семенова и Плисецкая. Они выступили за то, чтобы меня все-таки приняли. И это, быть может, единственное решение, в котором они были согласны друг с другом.

В театре дела действительно пошли неплохо. Я успел станцевать очень много ведущих партий и практически стал солистом. Без зарплаты, конечно: ставки «подтягивались» позже. Правда, роли, о которых мечтал в начале пути, пришли не скоро.

— Стало быть, с Большим вас связывают только радужные воспоминания?

— Отнюдь. Очень тяжелым был мой первый уход из Большого на пенсию.

— Первый? Значит, был и второй?

— Был. А между ними полугодовая пауза, во время которой я поставил «Двенадцать стульев» в Челябинске. Трудно было свыкнуться с мыслью, что отныне придется работать на периферии. Не знаю, сколько бы я промышкался, если бы не получил от Григоровича приглашение вернуться в ГАБТ в качестве заведующего балетной труппой. Мой второй уход из Большого сопровождался все тем же приказом: вывести на пенсию.

— А разве можно быть дважды пенсионером?

— Не знаю, но со мной было именно так, могу показать приказ. Одновременно я назначался балетмейстером Кремлевского Дворца съездов. Когда КДС перестал являться площадкой Большого театра, он очень быстро начал терять свою художественную значимость. А мне хотелось вернуть культурную традицию в этот древний уголок Москвы. Вопреки утверждениям некоторых депутатов Верховного Совета, что в этом зале не может быть никакого творчества, я считал, что демократический облик новой России невозможен без высокой культуры. А она, в том числе и балет, зарождалась в Кремле еще при царе Алексее Михайловиче. Первое оперно-балетное действие длилось пять часов. Правда, царь после столь долгого представления несколько часов молился и даже баню посетил, чтобы смыть грех...

— И вы пошли в атаку за «Кремлевский балет»?

— Я начал обивать пороги Мини-

Екатерина ЦЕТЕКОВА

стерства культуры и высоких правительственных кабинетов с целью открыть в Кремле балетный театр. Но вскоре понял, что пробить его «сверху» на тот момент нереально. Мы решили создать театр по принципу товарищества с ограниченной ответственностью. Со своими уставом, учредителями и спонсорами. Провели конкурс. Набрали выпускников хореографических училищ и тех, кто успел поработать в разных театрах России. В конце августа оформилась небольшая труппа из 54 человек, а в начале ноября мы уже сыграли премьеру. Театр начал жить, развиваться, расти, не получая ни копейки от государства, и в таком вот виде просуществовал до 1993 года. Это был год перелома, когда нужно было либо закрываться, либо переходить на государственные рельсы. К этому моменту «Кремлевский балет» уже выступил в Париже, в других балетных столицах. Международный резонанс от наших гастролей был велик, и на родине на нас тоже обратили внимание...

— А не было ли это чистой воды авантюрой: с крошечной труппой никому не известных танцоров выйти на сцену бывшего КДС, которую артисты Большого иначе как «сарая» и не называли, и попытаться превратить его в центр балетного искусства и искусства вообще?

— Именно так это и воспринималось многими. Я же основывался на опыте Большого, который успешно работал в этом помещении, и верил в свой личный, довольно обширный к тому моменту опыт. И потом у меня была вполне определенная художественная концепция, я всегда знал, чего хочу. И, конечно, советовался с мэтрами, например, с Борисом Александровичем Покровским.

— Кто-нибудь из творческих людей вас поддержал?

— Поддержала Уланова. У нас всегда были очень хорошие, весьма трогательные отношения. Но чтобы кто-то пошел за меня просить, такого не было. Но мы всегда жили очень трудно. И этот прессинг со стороны «окружающей среды» продолжается. На рекламу нет денег даже сейчас. Нет денег, чтобы заказать буклеты, сделать фотографии. Каждый раз проблема: где найти спонсора? А если спонсоры наконец появляются, мы должны знать, кто они такие и откуда эти деньги. Не дай бог, «не те» деньги возьмем. Не могу сказать, чтобы наши коллеги воспринимали

нас с любовью. Пресса тоже сыграла определенную роль. Мы развивались в информационном вакууме и при наличии критиков, которые считали и до сих пор считают, что наш театр не нужен.

— Кто же протянул руку помощи?

— Управление делами и администрация президента РФ. Наблюдая нас близко в работе — а мы принимали участие во всех их общественных мероприятиях, — они прониклись уважением к нашему коллективу и желанием помочь, поддержать.

— Название «Кремлевский балет» ко многому обязывает. Танцуя «под крышей» Управления делами Президента, насколько свободны вы в своем танце?

— Театр абсолютно свободен в выборе своего художественного пути. Никогда и никто из Управления делами не вмешивался в нашу творческую жизнь. Никаких глупых советов «сверху» не было. Были только уважение и желание помочь. Управление делами нашло возможным выделить нам общежитие (это очень важно для иногородних танцовщиков, пополняющих нашу труппу, — за десять лет она выросла до 90 человек), а нескольких артистам — квартиры. И это внимание удваивает, утраивает энергию труппы.

— Если артисты — это большие дети, то ваши артисты — дети вдвойне, потому что приходят в «Кремлевский балет» совсем юными. Какую педагогическую тактику вы по отношению к ним применяете: ту же, что Григорович, у которого вы начинали, а позже стажировались как балетмейстер, или...

— Или... Потому что у Юрия Николаевича, моего учителя и человека, которого я бесконечно уважаю, была другая ситуация. Он всегда стоял над труппой: быть близким с каждым из 250 танцовщиков просто невозможно. Я же стараюсь максимально сократить дистанцию между балетмейстером и артистом, потому что нормальные человеческие взаимоотношения помогают творчеству.

— Под вашим руководством бывший КДС из места партийных съездов и сборных правительственных концертов по случаю красных дат превратился в концертную площадку корифеев мировой эстрады. Джо Кокер, Элтон Джон, Тина Тернер, Мирей Матье, Sting... Список звезд первой величины можно продолжать, но ме-

ня интересует, перепадает ли что-нибудь от их присутствия «Кремлевскому балету»?

— К сожалению, нет. ГКД проводит очень много мероприятий. Но он и театр — разные организации, хотя театр нужен дворцу, а дворец — театру. Если произойдет их интеграция — от нее выиграют все.

Но дворец — не прокатная площадка. Мы организуем вечера и концерты своими силами. Зачастую это чисто благотворительные мероприятия, такие, как вечер памяти Николая Крючкова, юбилей артисток, составляющих славу отечественного искусства, — Элины Быстрицкой, Людмилы Зыкиной. Продолжаем традиции проведения новогодних кремлевских елок, рождественских вечеров.

— И вас, человека творческого, не отягощают директорские обязанности?

— Скажу больше, приходится еще и в технике разбираться. Дворец буквально напичкан ею. Конечно, имеется компетентный заместитель по техническим вопросам, но право подписи-то у меня. А я не привык визировать бумаги, в которых чего-то не понимаю. Поэтому изучал технические описания, наблюдал за работой механизмов, вникал в суть проблем.

— Тогда скажите, насколько ГКД приспособлен для балетных выступлений?

— Мы много гастролируем и имеем возможность сравнивать. Конечно, новые европейские сцены не идут ни в какое сравнение с отечественными. Могу сказать одно: дворец удивительно прочен, функционален и может эксплуатироваться очень долго, если его вовремя подновлять. Если он с 1961 года существует без капитального ремонта, это уже о чем-то говорит.

— Ваши зарубежные гастроли всегда проходят «на ура». Кто помогает в их организации — ведь труппа молода и «не раскручена». У вас есть постоянный импресарио?

— Такого нет даже у Большого театра — в каждом регионе с нами работает определенный импресарио. Самую действенную поддержку мы получаем от МИДа. Так было и в нашей недавней гастрольной поездке, которая, кстати, вызвала пристальное внимание прессы: 38 публикаций только в одной Испании! Далее были Италия и Иордания. Жители Хашимитского королевства впервые познакомились с «Лебединым озером», а мы — с традициями и обычаями этой страны.

— Кстати, как вам понравилась арабская кухня?

— Она очень колоритна по вкусовым качествам, мне исключительно понравился рис, который подается с экзотическими приправами и подливками. Мне близка китайская кухня со множеством видов морепродуктов, соевыми добавками, странным сочетанием фруктов и овощей.

— 2 октября «Кремлевский балет» открывает новый сезон. Что ждет зрителей?

— В апреле мы собираемся отметить 10-летие театра. Как? Еще не решили, ясно только, что без помпы. В юбилейный сезон планируем творческий вечер примы-балерины нашего театра Светланы Романовой. Надеюсь, что одноактный балет на музыку Берлиоза, поставленный для этого вечера, войдет в репертуар театра. Основной работой сезона будет «Коппелия» Делиба на несколько измененный сюжет, который составят три новеллы Гофмана. Музыка Гофмана-композитора дополнит партитуру Делиба.

— В минувшем сезоне ГКД получил уникальную светоаппаратуру, и спектакли «зазвучали» по-новому...

— Это не всё. У нас далеко идущие планы, воплотить их мешает отсутствие денег. Дворец вполне мог бы стать одной из площадок Московского кинофестиваля, достойно проводить премьеры мастеров мирового кино. Они, кстати, дают на это согласие — кремлевский экран их вполне устраивает, а мы, в свою очередь, мечтаем о спецаппаратуре «Долби-Серраунд». Уже имеются новые проекционные аппараты, новый экран и решение правительства о приобретении необходимой аппаратуры. Она нужна не Дворцу, она нужна Москве и России, потому что Московский международный кинофестиваль — это часть ее великой истории...

30.9.99

Петров Андрей